

ЮОЗАС БУЛОТА

МИЛАЯ, ВЕРНИСЬ!

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

ISSN 0132-2141

Дружеский шарж АНДРЮСА ЦВИРКИ

ЮОЗАС БУЛОТА

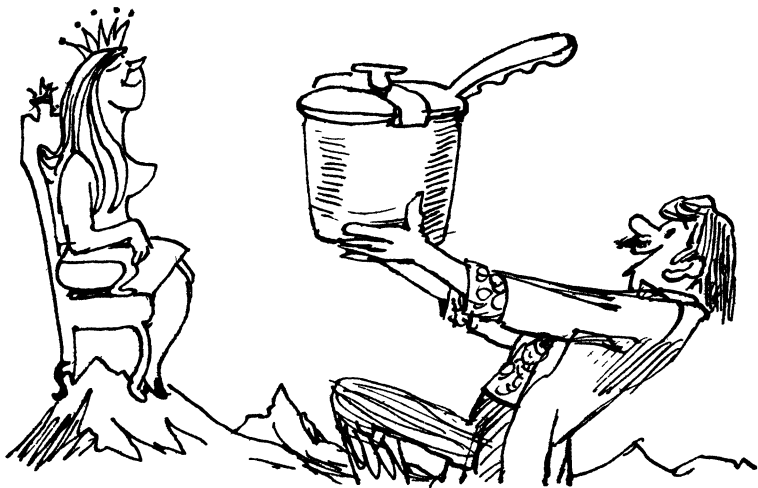
МИЛАЯ, ВЕРНИСЬ!

Рисунки Г. Иорша

Перевод с литовского
Г. Астраускаса и Е. Йонайтене

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1984

ГИМН ЖЕНЩИНЕ

Судя по всему, в город пришла весна. В открытую форточку вместе с запахом талого снега врываются наполненные страстью звуки скрипки, изредка перебиваемые визгом ошалевших котов. Однако можно было разобрать, что живущий выше этажом музыкант играл Шуберта.

«Аве, Мария!»... Гимн женщине... Муж сидел за столом и писал. Слова косяком шли из-под его пера, толкаясь и наскакивая друг на дружку, как цыплята-несмышлениши в кошеле.

«Дорогая моя, любимая! — писал он. — Ты весна моих надежд». С нежной радостью вывел он эти первые слова, и вот уже они замелькали-зарябили, словно камешки в горной речушке.

«Я пишу тебе, потому что не в силах сегодня молчать. Будь моя воля, я построил бы для тебя высоко в горах трон из чистого хрусталя, такой же прозрачный и хрупкий, как моя любовь...»

Подумав немного, он зачеркнул слово «хрупкий» и продолжал:

«... и прочный, как моя любовь к тебе. Я взял бы тебя на руки и понес прямо к голубеющей вдалеке вершине. И вот ты садишься на этот сияющий, украшенный эдельвейсами престол. У твоих ног боязливо жмутся горные козлы...»

Он снова остановился, исправил «козлы» на «серны» и писал дальше:

«Я же позволю себе лишь издали любоваться тобой, твоим божественным величием...»

Муж задумался и отшвырнул ручку в сторону.

— Как бы не так, — громко сказал он. — А кто же тогда будет обед готовить? Пожалуй, лучше куплю-ка я ей к празднику новую скороварку.

МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ

В кабинете сидели двое в белых халатах. Тот, что помоложе, блондин, горячо доказывал старшему, уже с заметной лысиной, приземистому крепышу:

— Доктор, он здоров, голову даю на отсечение...

Старший медленно перелистывал бумаги. По всему было видно, что убежденность младшего коллеги на него совершенно не действовала.

— Сегодня мы беседовали целых два часа, — продолжал тот, помоложе. — Интересный человек. И любезный... Так прямо и говорит мне: «Доктор, люди должны помогать друг другу! Вот вы заботитесь обо мне и думаете, я об этом забуду. Другой бы на моем месте, конечно, забыл — только не я. Я не из тех, кто за добро злом платит. Вы мне помогли, значит, и я вам пригожусь. Долг платежом красен...»

Старший слушал, но ничего не отвечал. Младший доказывал с еще большим пылом:

— Так вот, он мне и говорит: «Не думайте, доктор, что я такой пустомеля, как некоторые сейчас. Если сказал, что не забуду вас, то так и будет. Я человек честный, взятку вам не предлагаю. Но помочь готов в любое время. Вот тут вчера услышал, что вы получили новую квартиру. А мебель? Знаю, знаю, говорить не надо... Зайдите как-нибудь ко мне — и сделаем. Жена не будет жить с вами в новой квартире без импортных фотообоев. Зайдите, сделаем. Выберете, какие пожелаете...»

Старший прислушался, однако по-прежнему молчал и продолжал раскладывать бумаги.

— Что хотите говорите, а такие пациенты — редкость. Ведь я ничего у него и не просил. «А туфли у вас, доктор, — говорит он мне, — были модными, наверное, во времена царя Гороха. Достанем импортные и для вас, и вашу женушку обуем. Ну, а польский «Яжембачок» ведь к праздникам понадобится? Хочется ведь гостя напитком попикунтнее уважить. А рябиновка — это вещь!.. Вы можете мне ничего и не говорить, но я ведь знаю, что ваша жена

обожает чай в таких пакетиках со шнурочком. Заварил кипятком, по-макал — и чай готов. Как же иначе гостей принимать, этикет этого требует. Будет и чай в пакетиках. Можете уже сейчас утешить жену. Вот какой, доктор, я человек».

Старший продолжал таинственно молчать.

— Он понимает человека с первого взгляда. «Я же сам,— говорит,— вижу, что вы хотите подарить сыну ко дню рождения пластинки, да такие, что в магазинах нарасхват. И откуда их взять, если они сразу исчезают с прилавка? Ведь органной музыкой он вряд ли заслушается. Не унывайте, добудем и пластинки, весь дом запрыгает, вот увидите. Я не только вам, я и главврачу помогу — за чуткое отношение со стороны всего медицинского персонала...»

— Так что вы предлагаете? — наконец заговорил старший.

— Товарищ главный врач,— проникновенно сказал младший.— Мое мнение — выписать из больницы. Он здоров. Человек так просит... Как-никак, а он — счетовод отдела торговли.

Старший снисходительно поглядел на младшего и вздохнул.

— Эх, молодо-зелено. Ничего не выйдет. Он подлежит серьезному лечению. Он — обыкновеннейший кандидат наук, доцентом работает в институте. А вбил себе в голову, будто он — счетовод в отделе торговли. Явная мания величия...

ПОГОВОРИЛИ

- Товарищ директор...
- Нет!
- Но я...
- Нет!
- Я только хотел...
- Ясно сказано: нет!
- Вы же сами...

- Не мешайте!
  - Меня уже...
  - Вот и хорошо!
  - В этом году...
  - И речи быть не может!
  - Еще в прошлом году...
  - Ничего не знаю! Уходите!
- Дверь за посетителем закрывается.
- Интересно, что ему от меня понадобилось?!

В бане было жарко, как в бане. Пахло вениками, нагретой сырой древесиной и пивом.

Парились двое: один — потоньше, другой — потолще. Тонкий носился как одержимый, то выскакивая; то опять утопая в облаках пара.

— Ой, минуточку, я вам сейчас поддончик подсуну,— кричал тонкий, схватив деревянную лопату с короткой ручкой.

— Осторожней, ты! — заорал толстый.— Этак можно и покалечить человека. Смотреть надо, куда суешь...

— Ай, ай, прошу прощения, зазевался, не с того боку... А, может, еще пивка?..— тонкий крутился как заведенный.

Толстый в блаженстве пыхтел, растянувшись на полатах, изредка побулькивая пиво из бутылки.

— Минуточку...

Тонкий исчез. Из предбанника вдруг послышался женский визг.

— Что вы себе позволяете!..

— Действительно!..

— Пссст, дуры, сейчас мне не до этого...

Забывшись, тонкий влетел в просторный предбанник-гостиную в костюме прародителя Адама, и лишь торчавшая на голове коническая войлочная шляпа придавала ему сходство с разбойником из сказки «Бременские музыканты».

— Уже кончаем! — крикнул тонкий, срывая с головы колпак и прикрываясь им как щитом.— Сбрызните шашлык сухим вином.

Опять забывшись, он начал дирижировать колпаком.

— Коньяк — на середину! Шампанское пока под стол! Раса — с правой стороны, Мигле — с левой.

С каждым взмахом тонкого Раса и Мигле взвизгивали, как ужаленные осами.

— Тише, стрекозы! Смотрите, чтобы все было, как я сказал, и не выдумывайте от себя черт знает что,— одернул он своих подчиненных.

Через несколько минут тонкий почтительно ввел закутанного в халат толстого. Краснолицый специалист по шашлыкам в одной рубашке вытянулся как солдат с шампуром на плече, а рядом с ним в шеренгу вскочили хорошие, кругленькие Раса и Мигле. Толстый всем важно пожал руки.

— Мы только на минуточку. Попаримся и сразу прибежим. Женщины после мужчин, как поступали наши предки...

Когда Раса и Мигле появились из бани, мужчины уже успели остыть и снова разогреться.

Женская компания вернулась в одних купальниках.

— Фу, как жарко, может, не обидитесь,— заверещала Раса и опустила рядом с толстым.

— Что вы, что вы, свои же люди... Баня всегда есть баня,— нежно замурлыкал толстяк и подал ей глиняную чашку.

— Так, за хозяек. Цингу-лингую!*

— Стазду-бразду! — игриво поддержала Мигле с другой стороны и подняла чашку.— Ох, простите, бретелька соскользнула!

— А мы сейчас ее поправим! Сию минуточку... Вот так должно быть! — галантно двумя пальцами поправил бретельку толстый.

— Ах! И у меня соскальзывает. В самом деле, что такое... — вдруг ахнула и Раса.

Гость даже растерялся: как тут сразу двум дамам поправлять бретельки и одновременно пить за здоровье хозяина, если у тебя всего две руки и те по само собой разумеющимся причинам дрожат.

— Видите ли, баня сближает людей,— стал философствовать тонкий.— Где же еще можно так непосредственно общаться, узнать сокровенные мысли и желания человека, его главные потребности? Где? Только в бане мы сбрасываем покрывала отчуждения...

Внезапно он стукнул кулаком по столу и закричал:

— А знаете, что тут один осел в районной газете обо мне написал?... Я, дескать, построил эту баню не для трудящихся масс, а черт знает для кого... А кто... кто парится? Разве не массы?

Раса погладила тонкого по плечу:

— Ну что вы... В голову не берите... Люди всегда за добро злом платят.

— Ионас, сводку! — повелительным тоном крикнул тонкий.

Из другой комнаты прибежал пожилой усатый смотритель бани, раскрыл испачканную сажей книжку и, весело сверкнув глазами, стал читать:

— За октябрь месяц сдано пустой тары восемьсот пятнадцать, выручка — сто шестьдесят три рубля...

— Голова ты дубовая! Подай мне цифры, сколько искупавшихся единиц!

— Так ведь по бутылкам можно точно и посчитать... Если будем брать по пятьсот граммов на голову...

— Я тебе дам на голову... Данные о личном составе!

— Ревизоров — шестнадцать, комиссий — шесть по четыре, всего — двадцать четыре. Проверяющих — шестнадцать, гостей высокопоставленных — тринадцать, гостей нижепоставленных — двадцать три.

— Иди ты к черту!.. Завелся как магнитофон.

Смотритель снова весело сверкнул глазами.

— Есть идти к черту!

---

* «Цингу-лингую!» — «Стазду-бразду!» — шуточный тост и ответ по литовскому народному обычаю.

Тонкий, прекратив прения о связях бани с массажи, стал обсуждать с толстяком более серьезные проблемы: почему сердца женщин более чутки к поэзии и как получить неплановый наряд на лесоматериалы?

* * *

...Было жарко как в бане. Толстый сидел в просторном кабинете за столом и потирал ладонью лоб. Напротив стоял, покорно склонив голову, тонкий.

— Так что мне с тобой делать, а?

— Позвольте еще раз оправдать доверие, — пролепетал тонкий. — Знаете, сначала маловато израсходовали — появились излишки. Потом многовато заприходовали, появилась недостача...

— Вот здесь, в акте проверки, черным по белому записано... Нет никаких излишков, нет никакой недостачи... И лесоматериалов ни сучка нет... И оправдательных документов никаких... Ничего нет...

Толстый опять потер лоб и закрыл глаза. Запахло вениками, горячим паром...

— Ну что же, за халатное отношение к работе мы тебе поставим на вид. И переведем на другой объект. Там объем работ пошире, а зарплата такая же... Так-то... И баньки приличной там нет...

Тонкий оживился.

— Если нет, так будет... Оправдаю доверие!

МИЛАЯ, ВЕРНИСЬ!

Как я истосковался по ней! Как истосковался! Такую тоску почувствуешь сердцем разве только ранней весной, когда на снежном одеяле проступают первые черные заплаты земли, а высоко-высоко в небесной голубизне раздается гусиный крик...

Тоска пронизывает насквозь сердце и отдается даже в почках; кажется, что она, то есть тоска, вместе с тобой ходит и на работу и в кафе-мороженое. И никуда от нее не спрятаться, даже если ты пригласишь к себе всех товарищей и одолжишь десятку у соседа.

Тоска — чувство как будто однородное, но мучает каждого по-своему. Все зависит от того, по ком тоскуешь. Ведь тосковать можно не только по одушевленному предмету — любимой женщине, близкому другу или верной собаке, но даже по такому занятию, как охота на рыжих лисиц в лесу, а на черно-бурых — в городе.

Однако раз уж эта самая тоска обуяла тебя, то от нее никак не избавишься, можешь выть или ныть — ничто не поможет. Даже успокаивающие лекарства, самые лучшие транквилизирующие средства беспомощны в этом случае. Тоска вызывает такую душевную боль, что душа прямо-таки переворачивается и так и сяк, залезает даже в пятку, как будто смакуя возможность мучить тебя.

Долгими бессонными ночами переворачиваюсь с бока на бок, а в ушах звенит приевшийся с детства мотив: «И скучно, и грустно...» Вот по лестнице цокают легкие шажки, как будто выбивает такт копытцами лань моей мечты: «цак, цак, цак». Неужели это она?.. А я даже роз для нее не достал...

Нет. Раскрывается дверь у соседа: это теща его вернулась... Упитанная дама, при встрече смотрит на меня, как Мефистофель.

Нет, больше не могу. Милая, вернись наконец!..

Полетел бы к тебе ясным соколом... Но какой я, к черту, сокол, коли у меня даже денег нет на билет! А у кого займешь? Другие тоже тоской обуяны или жёны дома... Еще издеваются, лошадиные головы, над моими самыми тонкими переживаниями: радуйся, дескать, что твоя жена в одиночестве отправилась в Палангу на лето... Дескать, воля вольному шуметь, воля чувства занимать...

Разве для таких толстокожих что-нибудь означает сердечная тоска? Разве откроешь душу перед ними, разве расскажешь, что жена увезла с собой сберкнижку?

ЖЕРТВА ИНТРИГ

Совершенно неожиданно сняли нашего дружка прораба Юктонай-тиса.

Разумеется, когда выгоняют с работы близкого друга, радоваться нечего, однако кое-что в этом есть. Собирается несколько знакомых, и уже можно о чем-то по-дружески побеседовать: как, почему, какие причины и обстоятельства.

Итак, собрались все близкие Юктонай-тиса и стали обсуждать: такое не очень высокое, но очень теплое место человек по своей доброй воле никогда не покидает; грубо говоря, его, наверно, просто вышвырнули без выходного пособия.

Стали выдвигать свои догадки и аргументы.

— Шерше ля фам! Из-за баб! Клянусь головой, из-за них! Помните, как жена его в бане на озере Бакокис с секретаршей директора застучала? Летели оба как ангелы, через сосенки перепрыгивая, вениками прикрываясь!

— В том-то и дело, что улетели! Жена ни брюк, ни других вещественных доказательств не нашла. А губная помада — еще не доказательство. Из-за губной помады такого ответственного работника не уволят!

— Минуточку, минуточку! А как было с цементом? Недостача — десять тонн. Небось, из-за этого цемента и влип!

— Да что ты!.. Может, тебя самого по голове мешком с цементом стукнули?.. Ерунду пореешь! Тому, кто дело с цементом расследовал, он ведь гараж построил! А цемент списали за счет утруски.

— Слушайте, а может быть, здесь совсем другая причина? Насколько я помню, он никогда объекта вовремя не сдавал! С планом всегда был не в ладах. По-видимому, из-за этого его и турнули.

— Глупости! Если бы из-за таких пустяков с работы выгоняли, то мы все давно бы иждивенцами своих жен стали! Премии-то за перевыполнение планов он ежемесячно получал!

— Да, тут дело в другом. Скорей всего нахулиганил. Помните, сколько шума было, когда он...

— Ну и что? Он даже выговор тогда не получил...

— Но есть же какая-нибудь причина? А может, его из-за этой взятки? Фарфоровый сервиз ему вручили...

— Не взятку, а подарок! Подарок ко дню рождения! Я очень хорошо это дело знаю, сам принимал участие. Только дату рождения Юктонайтиса перепутали: вручили в январе, а он родился в конце сентября... Факты, стало быть, не подтвердились. Так кляузнику и ответили.

— А я вот знаю наверняка: из-за автоаварии. Здесь уж он не мог выкрутиться!

— Бред! Об этой истории начальство Юктонайтиса даже не узнало...

— Ребята, я скажу! Всю правду скажу! Две недели назад пятиэтажный дом, построенный Юктонайтисом, обвалился... Еле успели сами в окно вылезти.

— Да ну-у-у! Нашел причину! — закричали все хором. — Чтобы из-за такой мелочи такого способного руководителя снимали?! Так не бывает!

Сколько ни ломали головы, но причину, по которой был снят Юктонайтис, не нашли.

Очевидно, он стал жертвой каких-то неизвестных нам злонамеренных интриг.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БЕСЕДА

Пригласили меня вчера в гости Пятрасы. Угощение было так себе. Зато гости подобрались — один к одному. Что ни гость, то личность. В таком обществе сразу чувствуешь себя посредственностью.

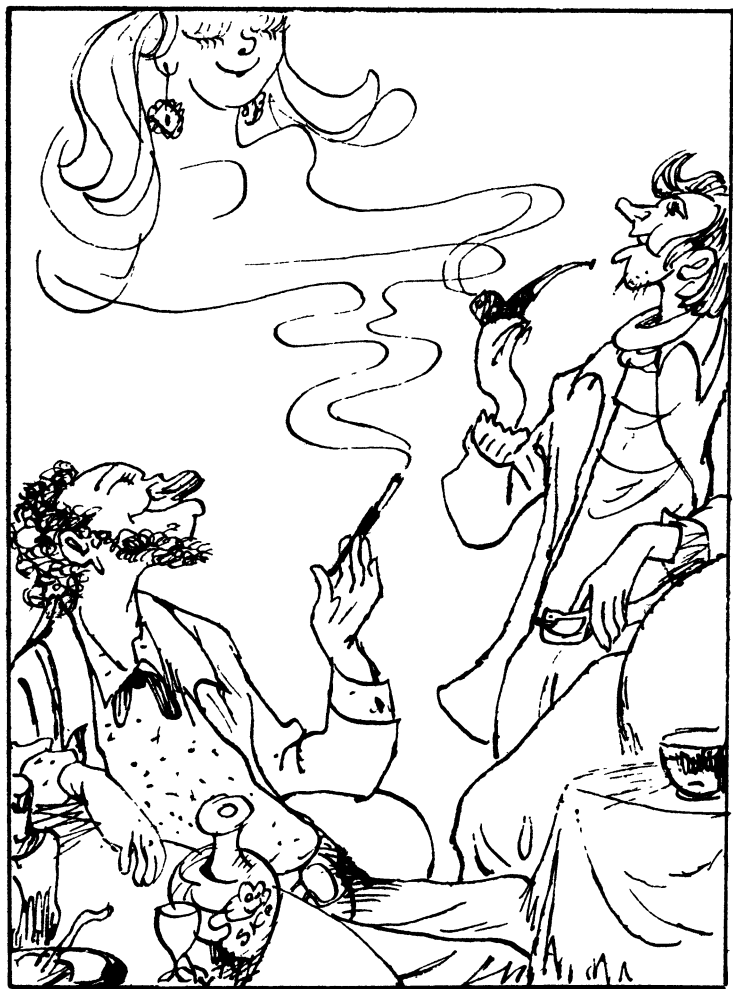
Казалось бы, и полугодом не прошло, как я последний раз окунался в водоворот интеллектуальности, а гляди-ка, вроде говорят на родном языке, а я — ни бе, ни ме. Масштабные рефлексии, ассоциативные ретроспекции, экзистенциальные коллизии, антропософические ревизии, компилятивная дедукция, карболинеумная продукция — свихнуться можно. Кажется, улавливаю, о чем речь идет, а поддержать беседу не могу. То есть, какие слова к месту вставить, не знаю. Хорошо еще, что с последней каплей спиртного эрудитический запал гостей поостыл — заговорили все же по-людски.

— Слыхали, Гинтаса жена бросила, — завел разговор один из эрудитов, облизывая пластмассовый колышек от бутербродика: вся закуска исчезла еще в начале интеллектуальной дискуссии.

Тут уж и я вставил словцо.

— А что ей еще делать, — говорю, — ведь она его с Аудрой застучала.

Эрудиты наострили уши.

— А муж той Аудры куда глядел? — полюбопытствовал безусый бородач.

— Так он же за Лаймой целое лето увивался,— внес ясность безбородый усач.

— Признайся, у вас с Лаймой уже все или вы просто так?

— А кто его знает... Недели две не виделись,— пробурчал безбородый и безусый.

— А с Ирмой у тебя серьезно?

— С моей стороны — да, только она ломается. Все алиментами моими интересуется... — неохотно ответил тот.

— В этом она вся,— степенно пояснил бородач.— Помнится, когда Ирма была моей второй женой, то с утра до ночи только и пилила: деньги пропиваешь, деньги пропиваешь...

— А ты слышал: Мечис с твоей первой супругой развелся,— сообщил я.

— Мне теперь все равно,— отмахнулся бородатый и налил себе пива.— У меня поважнее заботы. С Рутой мы уже поженились, а суд все никак квартиру не разделит.

— Так она все же дала Юргису согласие на развод?

— Юргис ей «Москвич», а она ему — согласие,— расплылся в улыбке с другого конца стола лысеющий эрудит.

— Нечего тут зубы скалить. Она ему зато домик садовый оставила,— вскипел бородач.

— Постой-постой, а где же теперь твоя третья? — обратился хозяин к тому лысому.

— Как где?.. Дома, конечно... А я вот бездомный... Не пускает, окаянная. У Альгиса угол снимаю...

— Отчего бы тебе не перебраться к Алдоне? У вас ведь с ней все на мази было...

— За Антанаса она выскочила,— удрученно признался бездомный гость и, вынув из рюмки окурки, долил себе еще.

Интеллектуальная беседа достигла вершины. Одно удовольствие общаться с подлинными эрудитами! Это только поначалу непонятно, о чем они толкуют, а потом все как у простых смертных.

Правда, под конец у меня все же голова пошла кругом: кто с чьей женой, чья жена с кем и в который именно раз женится.

Но вот тема беседы стала иссякать, а Пятрас, желая, видимо, поддержать угасающий диалог, поинтересовался, за кого вышла моя четвертая жена. Откуда же мне знать! Это ее личное дело.

Распрощавшись, я ушел. Не терплю, когда посторонние, пусть даже эрудиты, суют нос в мои личные дела... то есть, я хотел сказать, конфронтации.

БОЛЬШИЕ СОБЫТИЯ В ПАБЯРЖЕ

Пабярже — поселок небольшой, зато центр большой апилинки *. Имеются там разные магазины и точки общепита, имеется Дом культуры и амбулатория, только медвытрезвителя нет.

Путем социологических исследований было установлено, что в поселке под заборами ежедневно валяется в среднем два с половиной гражданина. Иногда в будни эта норма недовыполняется, зато по выходным кривая опьяняемости резко подскакивает вверх. Поэтому так или иначе, а на один день все равно приходится два с половиной осоловевших. Выходит, открывать медвытрезвитель невыгодно — не окупится материально. Разве только повысить число достигших неменяемого состояния до девяти с половиной гражданина в сутки.

Пьяниц никто не любит, ругают все как попало, когда они, свалившись на тротуар, мешают движению и тянут вниз уровень культуры. Козел от ругани только жиреет, так что крепким словом от пьяниц не избавишься. Вот почему руководители апилинкового Совета совместно с активом решили принять кардинальные меры к отрезвлению поселка.

В первую очередь было решено продажу крепких напитков из продмага перенести в отдельное помещение рядом с хозмагом, где раньше торговали керосином и политурой. В продаже оставили только «чернила» (если выражаться некультурно), то есть «фруктовочку» (говоря культурно).

---

* Апилинка — мелкая административная единица в Литовской ССР.

Чтобы граждане поменьше заливались крепким и побольше употребляли слабого, за продовольственным магазином у изгороди возле школы открыли пивной ларек. Ларек никак не спутаешь с собачьей конурой — он немного повыше и вход сзади.

Эти, казалось бы, незначительные изменения совершенно изменили лицо поселка. Приглашенные социологи еле опознали его. С целью дальнейших исследований они два дня прогуливались по главной улице Пабырже (между прочим, она была в поселке единственной, не считая нескольких переулков) и застали в луже у забора одного-единственного местного столяра. Таким образом, на один день в среднем приходилось всего лишь половина пьяноединицы.

Руководители поселка уже видели мысленно свои портреты в районной газете. Вытрезвление поселка за шесть суток — это такой труд, что по сравнению с ним сотворение мира — пшик!

Дело испортил один из социологов, который был дотошным не в меру своей должности. Где-то он раскопал, что после перестройки в поселке продажа водки и «чернил» возросла в полтора раза, а пива продается в два раза больше.

— Но было в среднем два с половиной пьяницы, а осталась всего половина?! Куда девались остальные? Где, кстати, эти передовики, перевыполнявшие план заливания водочки, фруктопочки и пивка?

Немедленно сколотили многочисленную бригаду проверки, большую часть которой составляли домохозяйки. Они самоотверженно взялись за это дело, ведомые двумя высокими душевными порывами: во-первых, выполнить свой общественный долг, приняв участие в социологических исследованиях, во-вторых, найти своих домохозяев, вот уже второй день пропадающих без вести.

Результаты исследований были ошеломляющими. Трезвая форма поселка совершенно не соответствовала содержанию. В ходе проверки палками-щупами ближайшего от хозмага кустарника нашли троих смертельно изможденных лиловоносиков. Рядом с пивным ларьком даже искать не пришлось: учащиеся привели бригаду прямо к живой изгороди и указали на пятерых особей — четверо уже лежали, а пятый сидел и мычал какую-то песенку.

— Здесь их всегда полно, — объяснили школьники. — Приносят с собой из магазина фруктопочку, запивают пивом у ларька, а потом начинают такое орать! Мимо пройти страшно...

Три и пять — получается восемь. Если же к этому добавить половину пьяного столяра — уже восемь с половиной. Вроде бы лицо поселка потрезвело, а между тем численность пьяных увеличилась на шесть персон!

Теперь руководители апилинковского Совета не в шутку взялись за дело. В тот же день водка из хозмага была переброшена в пивной ларек, пиво из ларька — в продмаг, а фруктопочка из продмага — в молочный магазин.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, производственное совещание нашего предприятия о неиспользованных резервах считаю открытым. На выступление пятнадцать минут — кратко и по существу, без всяких там «дескать», «значит», «так сказать» и тому подобных. Какие будут замечания? Нет. Итак, слово предоставляется товарищу Канюнасу.

КАНЮНАС. Почему все мне? Цицерон я, что ли?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (стучит карандашом по столу). Товарищ Канюна, здесь не детский садик. Прошу...

КАНЮНАС. Итак, товарищи, этот вопрос уже давно назрел. Надо открыто сказать, без угодничества, что именно благодаря нашему директору эта проблема как раз сегодня поднята на должную высоту. И, скажу прямо, как раз своевременно. Сейчас, когда мы все стоим перед новыми задачами, медлить больше нельзя. Любое промедление было бы преступлением не только перед своей совестью, но и перед всем нашим предприятием. Недооценка важности этих задач может повлечь за собой потерю огромных резервов, которые в ней заключаются. Использовать скрытые в этих задачах резервы — первоочередная задача каждого из нас. Мы должны дорожить каждой минутой, товарищи.

ГОЛОС СПРАВА. Он уже затянул эти задачи на три минуты сверх нормы. Пускай и другие выскажутся!

КАНЮНАС. Прошу еще две минуты... Итак, борясь за выполнение внедрения в жизнь этих задач, мы должны обеспечить...

ГОЛОСА СЛЕВА И СПРАВА. Хватит! Обеспечь выполнение закрывания рта!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Попрошу без оскорблений, товарищи. Слово предоставляется товарищу Таркаукасу.

ТАРКАУКАС. Как тут сказать, товарищи... С одной стороны, что правда, то правда, мы промедлили. Почему промедлили? Не были выдвинуты новые требования. А в свете старых требований все было правильно. А если смотреть в свете новых требований, то это уже беспорядок, товарищи. Потому что, исходя из новых требований, мы обязаны трудиться с огоньком и решительно устранять еще не устраненные недостатки, которые мешают нам подняться на уровень новых требований. На этом позвольте мне и закончить. Благодарю за внимание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется товарищу Пякенасу.

ПЯКЕНАС. Я, товарищи, руками и ногами за...

ГОЛОС ИЗ СЕРЕДИНЫ. За что за?

ПЯКЕНАС. За вопрос о резервах, поднятый товарищем директором за... Я всегда за... И сейчас за... На этом и кончаю...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется товарищу Вайтайтису.

ВАЙТАЙТИС. Вообще-то, эта проблема кардинальная. Значит, откладывать ее нельзя. Если откладывать, так сказать, нельзя, выходит, необходимо ей уделить самое большое внимание...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Говорите больше по существу, меньше этих «значит», «выходит»...

ВАЙТАЙТИС. Я уже кончил, выходит...

ГОЛОС С КОНЦА. Слава всевышнему.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кто еще хочет выступить? Больше желающих нет? Мы совещались три часа. Высказалось семь, не высказалось шесть товарищей. Предлагаю прекратить прения. Значит, перейдем к голосованию. Кто за? Все. Против — один. Двое воздержались. Выходит, большинством голосов решили: стол счетовода от дверей передвинуть к окну. (Одобрительные аплодисменты).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САЛОН

Собрались и решили, что неплохо было бы иметь что-то вроде литературного салона. А то ведь как — стоит собраться нескольким, сразу и начинают: есть ли знакомые в автосервисе, а может быть, даже родственники в мебельном магазине? Надоело, хоть вой от скуки. Такие разговоры, конечно, совершенствованию души не способствуют. А ведь без духовной пищи нынче не обойдешься. Не те времена. Разве можно сравнивать высокий полет мысли с доставанием запчастей для «Жигулей»? Известно, получив новый карбюратор, тоже чувствуешь себя на небесах, но душа все-таки важнее. Поэтому перед нами сразу возник вопрос о салоне, где говорили бы исключительно о духовных ценностях.

Миндаугас недавно получил новую квартиру с коридором пошире и кухней попросторнее, могли бы и у него собираться. Конечно, не в коридоре. Спальня тоже просторная, как раз под салон.

Вот мы однажды вечером у него и собрались.

Милое окружение! И жена у него очень гостеприимная. Правда, Миндаугас зря под занавес две бутылки самогону поставил. Это, мол, признак хорошего тона, пошикарней виски. Конечно, мода есть мода, но «Русская» все же лучше. И настроение повышает, и голова потом не болит.

Сообща решили, что гвоздем программы должен быть я, так как стою ближе всех к литературе.

— Ты только заведи, а мы поддержим. Увидишь, какая завяжется беседа! Как в салоне Жорж Санд!

«Лучше было бы начать с современников, а уж потом углубляться в классику», — подумал я.

— Товарищи, советую прочитать Распутина. Это что-то невообразимо новое... — с места в карьер пустился по литературным пастбищам.

Хозяйка толкнула меня в бок и прошептала:

— Не богохульствуй!.. Люди собрались поделиться своими мыслями о литературе, а ты сразу об этом попе-развратнике.

— Не кажется ли вам, что сейчас берет верх мемуарная или основанная на конкретных жизненных фактах литература? — повернул я оглобли.

— Отделочных кирпичей не достанешь, это факт, — слышался голое слева, — а без отделки как быть?

— Как это не достанешь? Все можно достать. Только вот соответствующий документ... Это, знаешь, труднее, — сказал сосед справа.

— И сдались тебе эти отделочные кирпичи. Строй из белых. Радуйся, если хотя бы для камина достанешь отделочных...

Литературная беседа сразу оживилась.

— Ребята, кто может сделать мне полкуба досок на пол? Рассчитывал, хватит, но, черт знает, как ни клади — все равно не хватает...

— Забракованные панели, говорят, можно получить почти официально...

— Получали — и погорели. Проверили — никакого брака! Были неприятности, оплатили тройне.

— Когда читаешь современные романы, создается впечатление, что все подсознательное уже ушло на второй план, — снова попытался я вернуть разговор к литературному костру.

— Ионас в Госплане, но он ничем не поможет. А вот если бы кто-нибудь в хозтоварах... Там и древесно-стружечные плиты иногда имеются...

— Оконные рамы я, помню, заказывал...

— Не знаю, как вам, но мне такой стиль повествования не по душе, — не уступал я. — Настоящее, а тут, гляди, прошлое вперемежку с будущим. Трудно разобраться... Слишком все запутано.

— Не-е-ет... Для отделки стен я тебе планок не могу достать. Эти планки — сейчас дефицит. Из рук вырывают.

— А я вот утеплюсь стекловатой. Только, говорят, она для легких вредна...

— Покрой рубероидом... Да не легкие, а стекловату... У меня сам черт не продует...

— Но, старики, даже у Кафки имеются свои... — попробовал я еще раз вмешаться.

— Не у Кафки, а у Катьки. Ничего у нее нет, и ничего ты от нее не получишь... Сейчас шифер не она распределяет... Ну... стекло оконное...

Нельзя говорить, что открытие салона провалилось. Развернулась интересная дискуссия — это общее мнение. Разошлись все довольными. Возможно, будем и дальше углубляться в литературные проблемы, однако строительство садовых домиков сейчас в самом разгаре, и музы могут пока помолчать, раз они не способны достать ни пригоршня цемента на фундамент.

БАБНИК

Не могу сказать, что считаю себя очень привлекательным. Но приятели говорят, что во мне что-то кроется. Дескать, и подбородок у меня немного кривой и косолаплю маленько, но женщинам я все равно нравлюсь. Видите ли, несовершенство всех остальных моих органов искупает мой язык.

А главное мое достоинство — такое мнение закрепилося у спутниц жизни моих приятелей, — что я не волочусь за юбками и даже, может быть, слишком строг в этой области.

По правде, своим товарищам я даже завидовал и упрекал себя за эту черту своего характера.

Но вот каждую пятницу под вечер мне не стали давать покоя телефонные звонки.

— Альгис, махнем завтра на рыбалку, — предлагает один.

Ладно, махнем, так махнем. Укладываю в рюкзак червей, блесны.

Ранехонько жду на углу. Подкатывает мой приятель, я открываю дверцу автомобиля и застываю с разинутым ртом. Рядом с приятелем некое сияющее существо, светлее утренней зари. И его жены тоже светлее. Ни одна из моих блесен так не светится.

Всю дорогу рассказываю всякие смешные небылицы, чтобы только нашей попутнице веселей было.

На берегу озера товарищ останавливается.

— Ты здесь порыбачь, — говорит, — а вечером мы тебя прихватим.

Неохотно выбираюсь из машины. Чего стоят все мои блесны? Целый день промотаюсь, а все равно не вытащу щуку вроде той, которую умчал в утренний туман мой приятель.

В следующую пятницу опять звонок.

— Альгис, поехали на охоту за утками. Разрешение есть! — кричит в трубку другой мой близкий друг.

На охоту, так на охоту.

Ранним утром с рюкзаком у ног торчу на тротуаре. Лезу в машину и отскакиваю ошарашенный. Кармен! Пола Негри! Сильвана Пампанини! Точнее — все трое в одном лице! Волосы, как вороново крыло, взгляд — молния из-под черной тучи ресниц.

— Знакомьтесь, — говорит мой друг. — Займи даму, чтобы не скучала...

Развлекать такое чудо природы — это настоящее удовольствие. Из кожи лезу вон, чтобы только с ее щечек не сошла улыбка.

Вначале остановились передохнуть на пригорке в сосняке. Мой друг откупорил бутылку французского коньяка. Потом они пошли осматривать где-то неподалеку в лесу находившийся курган, а меня оставили машину сторожить.

Машину сберег, коньяк нет. Оставили мне его всего на доньшке.

Вернулись оба к вечеру. Мой друг шел, обняв Кармен за шею, и вдохновенно читал стихи: «Я хочу воскресить из кургана седого вещего старца...»

«Черта с два ты воскресишь, — подумал я, — коли у тебя самого ноги подкашиваются, еле топаешь...»

Охоту отложили до более подходящего случая. Друг мой достал еще одну бутылку — на сей раз армянского.

— Поехали, домой, — говорю я ему, — смеркается.

— Подожди, — успокаивает он меня. — Диалектику учил? Все зависит от места, времени и обстоятельств... Следуй за мной...

Смотрю, лезет, даже не раздевшись, в воду. Пустит пузыри, чего доброго, думаю.

А ему хоть бы что.

— Полежай в воду, кому сказано. Вещественные доказательства жене нужны. Как мы докажем, что были на охоте, если вернемся не только без уток, но даже и не промокнув...

Возили так меня еще несколько раз — и по грибы и по ягоды. Возили даром, отрабатывал я за бензин языком, прелестных спутниц развлекаю.

Но конец оказался весьма печальным.

Обсуждали меня на товарищеском суде. Как бабника и развратника. Супруги моих приятелей коллективную жалобу написали. Дескать, я совершенно разложился. Не забочусь ни о жене, ни о детях, а шатаюсь по всем закоулкам нашей необъятной страны с какими-то всякими, и даже их порядочных мужей с пути истинного сбиваю. «Таким бабникам не место в нашем здоровом обществе», — было написано под конец.

Я ничего не отрицал и публично бил себя в грудь. Потому что мои приятели накануне на коленях молили:

— Смилуйся, принимай всю вину на себя... Иначе нам конец... Цыган ради компании повесился, а тут до этого дело не дойдет... Ну, будь человеком...

Так и осталось на мне клеймо бабника. На всю жизнь.

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Каждая революция требует жертв. Больших или меньших, но все равно требует, и нужна бо-ольшая изворотливость, чтобы все обошлось без жертв.

Бригадир Вайкянтас недавно рассказал нам, как он и несколько приятелей чуть-чуть не стали жертвами технической революции.

— Были уже всего на волосок от гибели,— говорил он,— можно сказать, уже лежали на жертвенном камне этой самой технической революции...

Техническая революция — это вам не какой-нибудь переворот южноамериканских генералов, где утром у власти один, а после обеда — уже другой. Она назревает медленно, но когда уж начинается, тогда, братец, держись!

Работали мы на строительстве большого склада. Строили не так чтоб очень быстро, но и не слишком медленно. Если не удавалось дотянуть квартальный план на стройплощадке, дотягивали в конторе — премии-то всем нужны. Иногда работать было скучновато. Техники были вооружены до зубов, но нас продолжали вооружать дальше. Не успеешь, бывало, поломать какой-нибудь механизм, а тебе сразу новый дают. Серые будни, никаких потрясений. Техники полно, а технической революции не видать. Во всем мире, слышим, она совершается, а на нашем стройучастке никаких сдвигов в эту сторону. Хоть плачь, обнявши башенный кран.

Но, наконец, и на нашем стройучастке произошел резкий сдвиг. Техническая революция свалилась как снег на наши головы.

А началось все с самой ничтожной мелочи, совершенно с другого конца, не имеющего никакого отношения к технике.

Женился брат Винчюлиса. Винчюлис вернулся на работу через три дня, совершенно обессиленный, но принес сколько смог дотащить. Лентяй-то он лентяй, но в таких случаях на четвереньках приползет, а своих друзей не забудет. Мы скинулись еще по парочке рублей. Не на закуску — закуски и так еще осталось, а потому, что правило такое: раз уж складчина — строительные работы временно стопорятся. Это неумолимый закон природы, как сказал прораб. Да и денек выдался на редкость солнечный, теплый в начале квартала.

Собрались все, даже собака сторожа прибежала. Водители грузовых машин тоже пришли поглядеть, что здесь творится. Винчюлис поделился впечатлениями от свадьбы, поговорили о текущем моменте, о задачах на ближайшее будущее. Выбросили пустые бутылки через забор. Винчюлис шутки ради хотел выбросить и собаку, но в одиночку не сдюжил. И все разошлись по своим рабочим постам.

Вот тут-то и началось! Техника вздыбилась, как разъяренная медведица! Кран приподнял бетонный блок и шлепнул им по мопеду Винчюлиса. Как он там под краном оказался — это останется тайной и для Винчюлиса и для нас всех.

Не успели прийти в себя, слышим крик о помощи. Грузовик перевернулся на куче щебня, и водитель вылезти не может. Мы его тащим, а грузовик держит. Водителя вытащили живым и здоровым, только без штанов — за что-то они там зацепились.

Едва навели порядок, слышим: выстрел и страшный визг, как будто кого-то режут. Оказывается, пистолет, из которого стреляют в стены гвоздями и другими там разными штырями, по собственной инициативе начал стрелять. И выстрелил не в стену, а в заднюю часть ватных брюк Матялиса.

Со второго этажа, как живой, загромыхал по лестнице сварочный аппарат. За ним погнался Манчюс. Но где тебе, человеку, угнаться за техникой!

Пневматический молоток тарахтел и обвинялся вокруг перепуганного Юоджюса. Еле-еле распутали его.

Даже электричество взбесилось — стало испускать такие молнии, что Андриюсис еле успел отскочить от выключателя.

Неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы не прораб. Он вскочил на штабель досок и скомандовал:

— Ребята! Началась техническая революция! Сидеть и не двигаться с места до конца смены!

Если на нашей маленькой стройплощадке техническая революция в силах поднять такой переполох, так что она может натворить в мировом масштабе?

Был у меня хороший приятель и нет уже. Разошлись путями дороженьки. И все из-за этой любви к природе.

Дружили, вместе рыбу ловили, уху варили. Такого заядлого любителя природы я в жизни не видал. Как он поносил и разделявал под орех тех, кто захламляет природу и среду, браконьеров всяких! Аж волосы дыбом у меня вставали: я так и представлял себе этих засорителей и вредителей с содранной кожей, выкрученными суставами, расплюснутыми носами, свернутыми шеями...

Ловили мы однажды на речке хариусов нахлыстом.

Гляжу — неподалеку пожилой человек с интеллигентной бородкой хлещет удочкой, как кнутом, по воде. Новичок. Что ни третий заброс — мушка в бороду впутывается. Выдернет — и опять бросает. Наконец затопал, как баран, ногами на месте, и пустился бегать по берегу. Видим — тащит. Вдруг упал на живот и начал выгребать из травы бьющуюся там рыбешку. Хариусика с палец. Бросил в рюкзак и ерет:

— Первый раз! Первый раз в жизни!

Мой приятель побелел и — к нему:

— И последний, ирод! Убийца младенцев! Отдай билет рыболова! Не знаешь разве, что по правилам разрешается не меньше тридцати сантиметров? Отдай билет, говорю...

Пожилой рыболов продемонстрировал неслыханную ловкость.

— Что вы, что вы, уважаемый... — пролепетал он и, погоняемый моим приятелем, поскакал, как козел, между сосенками.

— Старикан, но шустрый, бес, — плевался запыхавшийся приятель.

Час спустя я спрашиваю у него:

— Юргис, сколько у тебя?

— А у тебя?

— Пять, согласно правилам...

Шестого, самого крупного хариуса я спрятал под тряпками в рюкзаке. Друг-то друг, но такой одержимый догматик охраны природы, черт знает, что может выкинуть...

— А у меня шестнадцать, — преспокойненько говорит он.

— Ты что, спятил! — закричал я. — Солить на зиму их будешь, что ли?

— Э, все равно ничего не останется... Видел, каких хариусиков недоростков переводят! Погибает природа на наших глазах, — вздохнул приятель. — Вот видишь, целую машину мусора свалили в сосняк. Железки, кирпичи, ветошь, бутылки. Скоро и лесу конец...

Присели на берегу перекусить. Тут мой Юргис опорожненную бутылку из-под вина р-р-раз об ель, стекла так и брызнули во все стороны.

— К черту, все равно в лесу свалка будет!

Я разинул рот — не знаю, что ему и сказать.

— Да, да-а-а, все идет насмарку — и земля, и воздух, и быстрая водица реки,— сказал он и опустил в протоку пустую консервную банку.— Увидишь, ничего не останется...

Я встал и огляделся. Недалеко на обломках сосновых веток сушились высокие резиновые сапоги приятеля. Схватил сапог, раскрутил и швырнул в середину реки. Вслед за ним бросил и рюкзак Юргиса. Этот плюхнулся ближе к берегу.

— К черту! — крикнул.

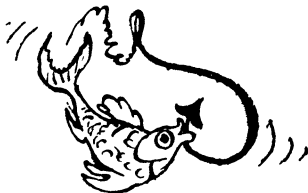
Юргис вскочил и только беззвучно ловил ртом воздух.

Я подобрал свои вещи и бросился в сторону.

Юргис снял брюки и теперь бегал по берегу. Сунет ногу в воду и отдергивает, сунет и отдергивает.

— Дур-рак! — услышал я.— Вода ледяная, середина октября, а он фокусы тут устраивает!

— Все равно ничего не останется. Все к черту! — крикнул я ему издалека.

Во второй бригаде колхоза «Мяшкинай» сгнило двенадцать тонн картофеля.

Колхозник Яткус, который подвозил этот картофель на свиноферму, поднял тревогу:

— Бригадир, картошка гниет! Тот самый бурт, что с похмелья после свадьбы насыпал Манялис с бывшими друзьями. Я в картошке даже поллитровку нашел...

У бригадира глаза заблестели:

— Принес? Быстрее на стол! От этих крестин у меня на душе девять котов скребут...

Недопитой бутылки Яткус не принес. По той причине, что бутылка была незакупоренной и плавала в воде вместе с картофелем. Короче, это была уже не поллитровка, но обыкновенная стеклотара ценою в двугривенный.

Яткус взглянул еще раз на фиолетовый нос бригадира, плюнул по ветру и пошел к агроному.

— Агроном, картошка гниет.

— Вот уж новость! Каждый год гниет... А в этом году была такая дождливая весна... Атмосферные, стало быть, условия... Не крути мне голову, лечу в район на совещание...

Яткус еще раз плюнул и направился к председателю колхоза.

— Председатель, картошка гниет.

— У меня третий день комиссия сидит, проверяет, как я борюсь за выполнение, а ты тут с картошкой, — осерчал председатель. — Бери из того бурта, где не гниет... Иди к бригадиру и не суйся мне в глаза...

Яткус к бригадиру вторично не пошел, так как отлично понимал, что не найдет его, а если и найдет, то он будет уже не в состоянии руководить работами по спасению картошки: цвет носа не тот.

Яткус еще несколько раз пробовал разжалобить насчет картофеля ответственных и не очень ответственных работников колхоза, но от него отмахивались, как от назойливой мухи. Тогда он плюнул в третий раз и сказал:

— Ну, погодите.

Сел и без промедления написал в газету:

«Где это видано, на глазах сгнило двенадцать тонн картошки, тревогу поднимали — и никто ничегошеньки. Если мы будем бороться только за выполнение, как говорил председатель, а картошку гноить, то псу под хвост и картошка, и борьба, и выполнение. Приезжайте и на месте увидите, что и как...»

И подписал: «Группа колхозников из колхоза «Мяшкинай».

Яткус ведь знал, что хотя критика снизу и не преследуется, но особых нежностей за нее ждать не приходится.

Редакция получает писем в десять раз больше, нежели имеет по штату сотрудников. Поэтому волей-неволей приходится пересылать эти письма вышестоящим инстанциям. Дескать, разберитесь, примите меры, сообщите нам.

Так как непохоже было, что письмо, хотя и анонимное, написано каким-нибудь кляузником, его и направили для принятия мер.

Довольно скоро был получен исчерпывающий ответ с приложением бумаги, подписанной всеми колхозниками.

«Изложенные в письме факты не подтвердились,— гласил ответ.— Подпись «Группа колхозников из колхоза «Мяшкинай» — выдуманная. Созданная для проверки комиссия из пяти лиц опросила всех членов вышеупомянутого колхоза, однако ни один не признался, что писал данное письмо. Соответствующее заявление они подтверждают собственноручными подписями.

Комиссия нашла упомянутую в письме бутылку, каковая сдана в приемный пункт стеклотары, и вырученная сумма — 20 копеек — внесена в кассу колхоза.

С членами правления колхоза проведена беседа о необходимости и методах рационального хранения картофеля».

А Яткус после отбытия комиссии, посмеиваясь, сказал бригадиру:

— А все-таки эта критика снизу — могучая сила. Впятером целый день в поте лица проверяли!.. Даже бутылку нашли...

— Бутылку? — встрепнулся бригадир, и его мутные глаза блеснули, осветив ультрафиолетовый нос.— Где бутылка? Давай сюда!..

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Нашему учреждению разрешили строительство дома отдыха на взморье. Все обрадовались. И как же не обрадоваться: в наш век урбанизации даже собака рвется к морю из душного города. Только, разумеется, без покровителей это ей не всегда удается.

Разработали проект. Не коттеджи — картиночка. Управляющему — с балконами, заместителям — с верандами, начальникам отделов — сдвоенные. Один начальник отдела в одном, а другой — в другом коттедже, стена к стене. Удобно. Сквозь двойную стену жены ругаться не смогут, ночью даже запеть можно... индивидуально и коллективно, если гости засиделись. Для пустой тары отдельные шкафики предусмотрены.

Все остальные сотрудники учреждения тоже будут жить в коттеджах: сколько поместятся в комнате.

Проект одобрили. Только вот со столовой возникли непредвиденные проблемы. Все шло как по маслу, пока не начали разбирать

проект в функциональном отношении. То есть как будут питаться в столовой.

Один знаток сразу же возразил:

— Так-то так, а где посадите управляющего, когда столовая начнет функционировать?

— Ну, хотя бы в этом углу. Вид на море...

— А чего он не видел в этом море? Что в этом море у него утопло? У такого человека в голове серьезные мысли, а вы ему море в глаза суετε...

— Вид на море успокаивает...

— Его жену никакое море не успокоит... Она не потерпит кругом всяких там... Вкус у нее тонкий. Она же по особому меню будет питаться.

— Разве проект этому противоречит?

— Глупый вопрос от глупой головы. А кто же ей будет носить это отдельное меню мимо всех остальных?

— Ну, можно оборудовать отдельное помещение...

— Вот об этом и надо было заранее подумать.

— Но если для управляющего отдельно, так для заместителей — тоже, у них ведь тоже имеются жены...

— А кто сказал, что нет? А?

Все сразу смолкли.

— Для начальников отделов следовало бы отделить уголок вот в этом углу,— пропищал тоненький голосок после минутного молчания.

— Конечно! И обязательно!

Обо всем, казалось, наконец договорились, все согласовали, но завершить дело помешал все тот же злосчастный функциональный вопрос.

— Все это нетрудно уладить,— спокойно произнес архитектор.— Но где же будут питаться остальные? Для них ведь места не останется.

— А если использовать фойе?

— Так ведь и фойе не останется... А кто же утвердит такой проект?

Проект серьезно застрял. Видите ли, все проекты кажутся простыми, пока не посмотришь на них с функциональной точки зрения. А когда посмотришь, то хоть руками за голову хватайся...

ЖЕНА

В парке на скамейке сидели двое. Один — худощавый, гладко выбритый, из-под берета на плечи падали пряди седых волос. Небрежно перекинутый через плечо длинный шарф и куцая трубка в зубах свидетельствовали о принадлежности его к клану художников. Второй, широкоплечий, сидел рядом, занимая две трети скамейки. Пальто из дорогого велюра, бобровый воротник и такая же шапка ничего не говорили о его профессии, однако всем своим видом он внушительно показывал, что жизнь свою прошагал отнюдь не в рядовых.

Бобровая шапка рассказывала, а трубочка молчала и слушала. — Скоро будет тридцать лет, как мы с тобой не виделись, ну что ты скажешь... А кажется, только вчера оставили школьную парту... Эх, братец, сложная эта человеческая жизнь... Кажется, уже всего достиг и по работе продвинулся, квартиру из четырех комнат получил — живи и радуйся... Но радость жизни постепенно угасала... А сейчас я опять счастлив, как в молодости. Правду говорят, что молодость — это не возраст, а состояние. Вот я сейчас по уши в этом состоянии. Как там выводит пушкинский Германн: «Тоскливо жизнь моя текла, она явилась и заглохла...» И так заглохла, что до сих пор не могу прийти в себя... Если бы ты знал, какая это женщина... Я и не думал, что мое чувство может быть таким продолжительным и постоянным... Она никогда ничего от меня не требует, но я чувствую себя самым счастливым человеком на свете, когда могу ей что-нибудь подарить.

Как-то прогуливались с ней в Балакампай, и она сказала: «На этих дубленках сейчас все женщины помешались». И, представь себе, от этих ее слов я сам помешался. Черт знает сколько бегал, пока эту дубленку раздобыл, но зато на ней — как влитая... Заплатил за нее, конечно, втридорога... Знаешь, когда я смотрю на нее, меня охватывает беспокойство, какое-то предчувствие трагической развязки, как будто возьмет и оставит она меня, улетит, как сказочная жар-птица...

— Кыш, наглец! — внезапно ругнулась бобровая шапка, спугнув голубя, пытавшегося сесть ему прямо на голову. — Разносчики болезней...

— Так вот... Я все время только и думаю, что бы еще приятного для нее сделать... Туристическую путевку по Средиземному морю выхлопотал... Вернулась загорелая, лицо как-то по-новому мечтательное... У других, гляди, и фигурка изящная и физиономия ничего, а вот тянет только к ней и все... Здесь и то и другое. Какой-то врожденной эlegantностью светится... Кольцо с бриллиантом ей купил, так, думаешь, она и будет его повседневно носить? Нет, братец, только вечером, к черному платью — кольцо, и ничего больше. Я в этих вещах не очень, но кто понимает, говорит: это не женщина, а вершина тонкого вкуса. Красавицы иногда бывают и глуповаты, а эта — наоборот: острый ум, чувство юмора... Недавно едем в троллейбусе, сидим, болтаем, входит одноногий инвалид. Я поднимаюсь, место ему уступаю. А он и говорит: «Нет, нет, вы сидите, а эта молодая девушка может меня, старика, пожалеть... Что ей, такой лани, постоять!»

Так она сразу же отрезала: «Ну вот, придумал еще, жена будет стоять, а собственный муж сидеть, вытянув ходули».

Инвалид плюхнулся на мое место и как засмеется: «Правду говоришь, доченька. Если бы я такую жену имел, целый день на одной ноге согласился бы стоять. Как святой Иоанн на столбе в пустыне. Пусть твой старик стоит и на тебя, молодую, любитесь».

Она с этим инвалидом полтроллейбуса рассмешила... Знаешь, братец, я сам себя иногда не понимаю: я, сувалькийец *, уже три тысячи пятьсот семьдесят пять рублей и тридцать две копейки на ее наряды и украшения истратил, а чувствую себя самым счастливым гражданином в нашей республике. Все ее измерения наизусть выучил: и рук, и ног, и бедер, и талии... Еще не было случая, чтобы я купил какую-нибудь вещь и ей не подошла. Когда иду рядом с ней, все мужчины оборачиваются... Только и слышишь: «О-о! Помесья Афродиты с Кармен!»

Бобровая шапка вдруг замолкла и боязливо оглянулась.

— Смотри, вот идет... Это она, — сказал он своему приятелю. Тот даже трубочку выронил изо рта.

---

* Сувалькийцы — население юго-западной Литвы, прославившееся анекдотической бережливостью.

— О-йе-йе! — протянул он шепотом. — А мы-то в школе, признать-ся, тебя вислоухим олухом прозывали. Та-а-акая красавица жена у тебя...

Бобровая шапка с удивлением обернулась.

— Откуда ты взял, что она моя жена? Правильно, жена, да только не моя. А моя сейчас дома... может, вяжет, а может, паркет скоблит.

ПРОПАЩИЙ ЧЕЛОВЕК

— Гляди, гляди, идет...

— Побелел весь...

— По всему видать, человек на пределе...

— На пределе или нет — конец один...

— Предынфарктное состояние: глаза остекленели...

— Где там остекленели — того и гляди заплачет...

— Вот так, живет себе человек, и вдруг взбредет ему что-нибудь в голову — и нет его, исчез, словно дым на ветру...

— А ведь сколько раз я ему твердил... Так нет же, не послушался...

— Думал, умнее его и нет никого... А теперь вот и ум не понадобился...

— Как, по-твоему, надолго его хватит?

— Дня на три, не больше...

— Это ж надо — самому себя до такого довести...

— Был человек да весь вышел...

— Что ты — он же еще живой...

— Живой труп он, стало быть...

— Жалко, хороший человек был...

— Интересно, что его жена будет делать... Двое детей все-таки.

— В кабинет вошел!

— Доктора бы позвать не мешало...

— Медицина здесь бессильна...

— А что, если все же предупредить жену?

— И жена тут не поможет...

— Да ведь сам же погибели искал...

— Такой способный инженер был, и на тебе — пропал зазря...

— А может, еще...

— Что «еще», что «еще»?.. Все кончено, крышка...

— Тсс, гляди-ка, дверь вроде скрипнула... Он...

Дверь директорского кабинета отворилась, и оттуда медленно вышел инженер Питкус. Сослуживцы в ужасе отпрянули, словно от прокаженного.

Сегодня утром на производственном совещании Питкус раскрыти-ковал главного. Так прямо и сказал:

— До сих пор в наш отдел не завезли мусорные корзины. Разве это порядок, товарищ директор?

Не знаю, как вам, а мне эти утренние пятиминутки очень по душе. Приходишь на работу, а у дверей уже толпа посетителей. Нетерпеливые, злые, кажется, так и норовят броситься на тебя, как львы, и разорвать на куски. А ты спокойно проходишь мимо, вежливо сообщив:

— Придется подождать, уважаемые! Пятиминутка...

Рычание посетителей нарастает, достигает высшей точки и утихает.

Через каких-нибудь два часа, когда окончится пятиминутка, в приемной остается всего несколько самых терпеливых львов, и те уже превратились в кроликов. А с такими разделаться — как плюнуть: несколько минут — и готово. Если бы не пятиминутка, они мучили бы меня до самого обеденного перерыва, все нервы повыдергивали бы.

Не думайте, что на наших пятиминутках одни анекдоты да хихиканье. Преимущественно это серьезный разговор о работе. Ведь пятиминутки и отведены для обсуждения производственных вопросов. Сегодня, например, начальник говорил о трудовой дисциплине: то, говорит, один опаздывает на работу на три минуты, то другой — на четыре, а складываются из них часы, потерянные зря, непродуктивно и убыточно. Как разошелся руководитель, как стал всем шею мылить! Эта критика сверху сыпалась на наши головы ровно полтора часа.

А недавно в наше учреждение нагрянула комиссия свыше и обнаружила разные задоринки. Дескать, мы граждан заставляем ждать в очереди, их жалобы и заявления месяцами силосуем в ящиках письменных столов и вообще многое делаем не так или совсем не делаем. Выводы комиссии обсуждались на пятиминутках целую неделю, по два часа ежедневно. Всесторонне разбирали, сколько мы теряем на пустую болтовню, сколько времени говорим вокруг да около, сколько на это расходуется рабочего времени.

Крепко-накрепко решили, что в будущем на каждой пятиминутке будем намечать меры по ускорению разбирательства заявлений населения.

И как раз вовремя решили. Сейчас ни один гражданин не сможет упрекнуть нас в том, что он напрасно прождал до обеда: мы же совещались, как быстрее и лучше его обслужить!

ВСЕСТОРОННЯЯ ЖЕНЩИНА

Нам никак не удавалось женить Винцаса. Все вроде у человека есть. Даже зубы золотые — в прошлом году вставил. И кооперативная квартира есть. Дубленка имеется. Диплом — тоже. Волосы есть! И не поредели почти. Пятидесяти лет пока, правда, нет — на будущий год исполнится. А вот жены как не было, так и нет.

Разве разберешь, почему у людей судьбы по-разному складываются? Вот мы оба, приятели его, уже и дочерей пристроить успели — замуж повыдавали, а Винцас наш все один да один, словно тополь в чистом поле. Экая досада! Видно, никак душу родственную найти не может или просто расторопности ему не хватает в этом деле.

И вот подыскиали мы ему все же кое-кого. Товарищ мой, Ионас,

в пивном баре с ней познакомился. Всем хороша, ничем бог не обидел. Как раз то, что Винцасу нужно. И фигура подходящая — женщина, так сказать, в теле. У меня аж дух перехватило, как увидел.

Стали мы ее сватать. Решили по очереди убеждать друга. Жених-то наш крепкий орешек — одному тут не справиться.

Зашли к нему. Ионас, как водится, бутылку прихватил.

— Винцас, дружище, нашли мы тебе жену! — прямо с порога приступил к делу Ионас.

— Женщина, иначе и не скажешь, всесторонняя, — подхватил я. Винцас наполнил рюмки.

— За здоровье будущей половины! — провозгласил тост Ионас. — Такое создание нечасто встретишь.

— С достатком. Девяносто на бумаге, — добавил я.

— Плюс триста без бумаги, — уточнил второй сват.

— Образованная. В трех техникумах побывала.

— И честная. В магазине тогда всех посадили, а ей лишь условно дали, — продолжал Ионас.

— На мякине ее не проведешь. У бывшего муженька машину без суда оттапала. А сына — ему. Лишнего не берет.

— Душа-человек. Да вот вчера четыре пол-литра нам выставила, не пожалела, — все больше вдохновлялся Ионас.

Будущий молодожен забеспокоился.

— Брось преувеличивать, — оборвал я Ионаса. — А не то Винцас бог знает что подумает. И вовсе она не пьяница. Помнишь ее слова: «Моя норма — пятьсот граммов, и ни капли больше».

— Вот именно. Это я и хотел подчеркнуть, — не растерялся Ионас.

— Интеллигентная. «Королева Марго» на буфете валяется, сам видел. Там еще страницы загнуты, — снова воспрянул духом я.

— И к людям со всей душой, — умилялся Ионас. — К ней хоть в полночь зайвись — не прогонит.

— Обожает семейную обстановку. У Альгиса, помнится, жена на две недели в отпуск уехала, так она у него все это время и жила. Квартиру в порядок привела. Детишек чуть не каждый день купала.

— И с сексом у нее порядок, — вставил я.

— А ты-то откуда знаешь? — всполошился жених.

— Да это все говорят, — не растерялся я.

Судя по всему, нам удалось не на шутку заинтересовать Винцаса. Сказал даже, что серьезно подумает.

Но, увы, из нашей затеи ничего не вышло. Так и остался наш холостой друг одиноким тополем в чистом поле. А на той женщине, по слухам, собирается жениться второй сват Ионас. Только вот жена развода не дает. Говорит, некому будет с внуком нянчиться. Видно, не судьба... А жаль. Ведь такие всесторонние женщины, как наша знакомая, подолгу в одиночестве не тоскуют. Всегда найдется желающий откликнуться на зов их сердца.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОТ КРИТИКИ

В это послеобеденное время работники все до одного не работали. Они не решали никаких вопросов. Посетителям предлагалось посетить учреждение в другой день. Служащие массово сосредоточивались в коридоре и живо обсуждали внутреннее положение.

— Итак, после того, как обострилась проблема развития критики, наш долг... — исчерпывающе, как обычно, первым начал свою речь бухгалтер.

Все зашумели.

— Говори о деле!

— Лучше совсем не говори, а то мне уже страшно!

— Он не может остановиться, пока не получит по шее!

— Достаточно, что вчера он полтора часа доказывал, что долг — это обязанность, а обязанность — это долг, поэтому наш общий долг...

— Ну, хватит! Так конкретно что будем делать? — прервал профорг.

Со всех сторон посыпались предложения:

— Давайте писать повыше! С копией!

— И все подпишем!

— Вряд ли будет хорошо. Не припишут ли нам заговор?

— Какой заговор? Разве мы обязаны вечно молчать?

— Ну, ладно... Так что будем писать?

— Все подряд!

Профорг взял лист бумаги и, громко излагая, стал записывать:

— Холодильник из учреждения перевез к себе на квартиру...

— Перевез! — хором поддерживали сослуживцы, как будто читая литанию* пресвятой девы Марии.

— Ковер...

— ...уез, — запели сослуживцы.

— Казенные покрышки на свой «Москвич»...

— ...надел... е-е-ел... — подтягивали еще дружнее.

— Путевку, полученную для кассирши, на свою жену...

— ...оформил... и-и-ил, — тонкими и басистыми голосами вторил коллектив.

— Квартиру брату...

— Устроил!

— Из государственных материалов дачу себе построил...

— Построил!

— На этом и кончаем: «Просим проверить факты на месте. Все подтвердят!»

---

* Литания — католический молебен, когда ксендз произносит хвалебные обращения, а молящиеся повторяют хором припев.

— Все, все!
— А сейчас прошу расписаться. Кто первым? — предложил профорг.

Дружный хор коллектива сразу замолк.

— А может быть, выберем представителя, он пойдет и от нашего имени потребует, — промычал несмелый голосок из угла.

— Знаете, жалоба — начнут копать...

— Неприятности всевозможные... Так, может быть, действительно лучше представителя?

Представителем единогласно был избран снабженец. Как самый благородный, изворотливый и отважный.

На другой день сослуживцам опять было не до работы. Все топтались у дверей приемной шефа. Подкарауливали своего уполномоченного представителя.

И вдруг он пулей вылетел из дверей. Сослуживцы едва успели его за полу ухватить. Бросились расспрашивать.

— Ну?

— Что ну? Что ну? — парировал уполномоченный.

— Ну, как?!

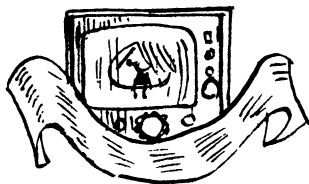
— Что как? — изворачивался снабженец, пытаясь поскорее вырваться из окружения.

— Все выполнил?

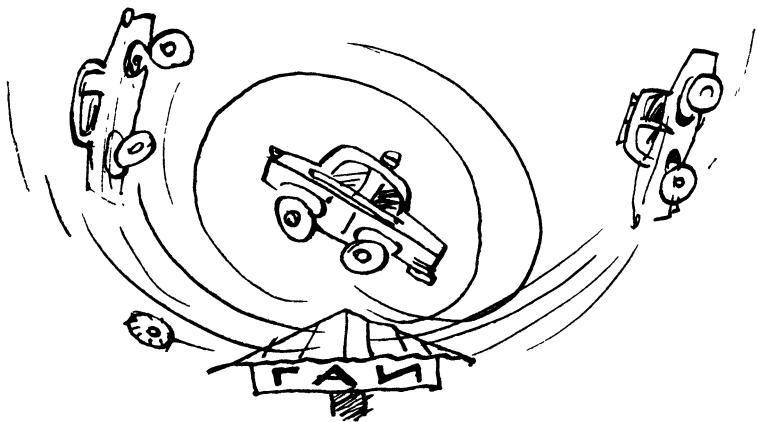
— Отпустите! Сказал вам, отпустите! Некогда! Цветной телевизор! Для шефа! — бегом направляясь к выходу, кричал снабженец.

— Стой! — как ужаленный бросился за ним бухгалтер. — Доверенность надо же выписать! Без доверенности не получишь! Бери только «Таврас». Шефу понравится!

— Понравится-а-а... — легко вздохнули сослуживцы.

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

Они сидели на благоухающем лугу и ждали своей очереди.

— Я приспособил к своему автомобилю семь фар, — рассказывал первый.

— Где же они могли уместиться? — рассмеялся кто-то из ожидающих. — Может, ты у себя на лбу поставил?..

— Зачем на лбу? — вопросом на вопрос ответил первый. — На капоте! Встречал я много таких желторотых. Едут навстречу и моргают: дескать, потуши свет. А я ка-ак моргну семью фарами... Бывало, иной в кювет съезжает и, открыв дверцу, крестится мне вслед. Не на одного такого безбожника божий страх нагонял!..

— Ну, а автоинспекторы? — поинтересовался кто-то с другого конца очереди.

— Что... автоинспекторы? — вызывающе крикнул долговязый, который, вытянув свои длинные ноги, сидел вторым. — Однажды меня инспекторы целую ночь ловили. И не поймали. Ехал я на «Яве» после свадьбы — уже здорово навеселе. Скорость так себе: девяносто — сто километров. Только гляжу — пост автоинспекции. Первый красной лопаткой машет, остановиться велит. А я как нажал на все сто сорок! Инспектор так и сел, когда я мимо промчался. У другого нервы были покрепче. Вскочил на мотоцикл и за мной. Я прямо с шоссе в кукурузу — и он в кукурузу. Выскочил из кукурузы — и через речку. Он тоже через речку. Я во двор колхозной усадьбы — и прямо через собачью конуру, он тоже через собачью конуру. Вижу, дверь

колхозного коровника открыта. И лечу вдоль коровника. А коровы ревут немыслимо! Я на большак, смотрю: навстречу другой инспектор, наверно, сам черт его на моем пути бросил. Некуда деваться — нырнул прямо в колхозный пруд, к карпам. Слышу, один инспектор кричит другому: «Оставь ты его в покое, зачем чужую жизнь на свою совесть брать... Все равно разыщем, я номер его записал...»

— Гонки в любом случае вдохновляют человека, возбуждают чувства, — мечтательно заговорил третий в очереди. — Был у меня всего-навсего обыкновенный «Москвич», а что я на нем вытворял... Другому в голову не пришло бы... Едешь, бывало, спокойно, тихо, а тебя уже обгоняет «Волга». Проплывает мимо надменно, как овод мимо божьей коровки. А я на повороте газану — и «Волга» опять позади. Взбешенная «Волга» вновь пронесится мимо. А сбоку идет грузовик. Как только хочет обогнать меня, я его к кювету! К черту в таких случаях правила движения! Раз настолько загнал одного водителя, что он вылез из машины и пошел на переговоры. «Сдаюсь, — говорит, — пожалей жену мою и детишек...»

— Скорость человека опьяняет, возвышает его в собственных глазах, — энергично поддержал четвертый в очереди, по-видимому, владелец «Жигулей». — Я со скоростью меньше ста сорока никогда и нигде не ездил. Дело принципа. Если машина в силах развить сто сорок километров в час, так и не мешай ей. Невзирая на разных там котов, петухов, поросят, кроликов, телят и других двуногих или четвероногих. Видят же они, куда полезли. Не свинье же меня остановить! Когда я сижу за рулем, душа у меня стремится к полету, и я никому не позволю ограничить его. Дело принципа...

Ожидающие вдруг приумолкли. Раскрылись врата небесные, и показался святой Петр с огромным ключом у пояса. Он погладил свою бороду, посмотрел на длинную очередь и сказал:

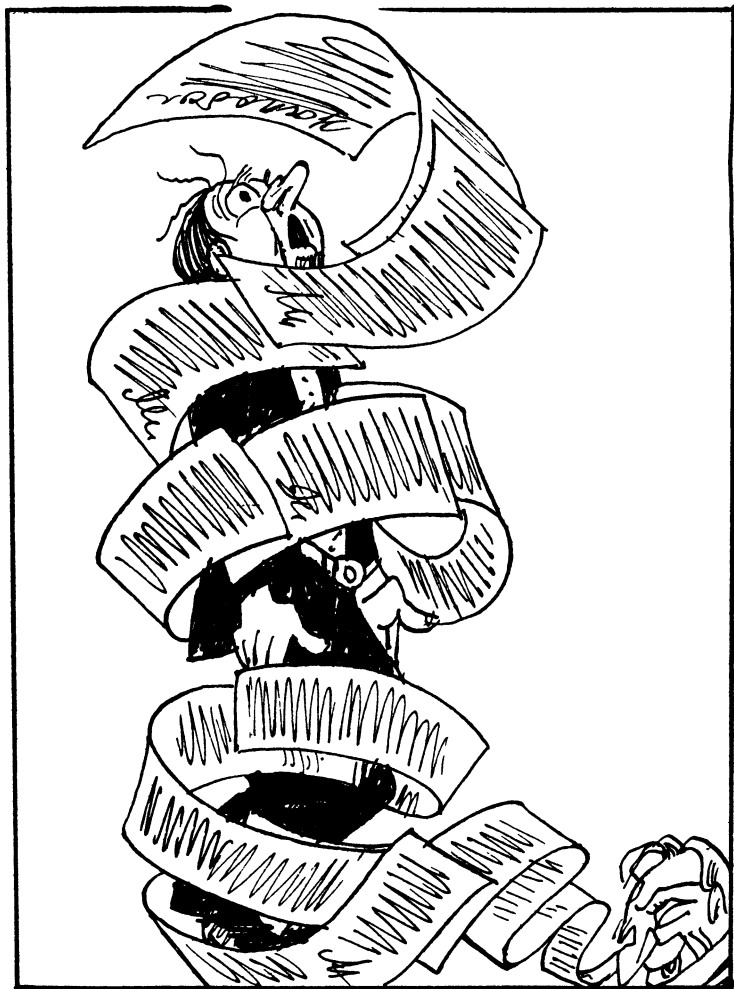
— Кто следующий?

ПОЖИВЕМ — УВИДИМ

Новый начальник сначала показался нам очень строгим. Даже чересчур. Еще не прошло и недели, а нашему завхозу уже влепил выговор. Не прошло и двух — второй. Строгий. За то, что не пьет в нерабочее время, а пьет в рабочее. И грозился уволить, если это повторится.

Завхоз в кабинете начальника ничего не говорил. И, закрыв за собой дверь, ни с кем не поделился. Только, обернувшись, показал длинный язык табличке с надписью «Начальник», а секретарше процедил:

— Поживем — увидим.

Проходит несколько дней, и нашего начальника вызывает начальник немного повыше.

— Слушай, ты только пришел на новое место, а у тебя уже трудовой климат испортился. До меня дошли сведения со стороны, что ты людям рабочее настроение сбиваешь, придираешься к пустякам, покрываешь на них.

— А конкретно?

— Конкретного ничего нет, только вот такие общие сведения... Ты там посмотри... На работе у всех настроение должно быть светлым, без единого облачка...

Две недели спустя нашего начальника вызвал к себе уже гораздо более высокий начальник.

— Гляди, тут некий сигнальчик имеется... — сказал гораздо более высокий. — Говорят, что ты на прежнем месте работы семейственность расплодил; многих своих родственников там приютил. И сейчас на новом месте, говорят, кого-то из своих близких собираешься устроить...

— А конкретно? — спросил наш начальник.

— Конкретного ничего нет, но сигнальчик имеется. Ты там смотри! Через месяц нашего начальника вызвал уже довольно высокопоставленный начальник.

— Жалоба на тебя, — сказал довольно высокопоставленный начальник. — Так прямо и пишут: злоупотребляешь своим служебным положением. Слухи ходят, что получил талон на мебель, а никто не видел, чтобы эту мебель тебе на квартиру доставили...

— А конкретно?

— Конкретного ничего нет, и подписал жалобу какой-то Болтушкинас... Аноним... Но сигнал есть сигнал... Считаю своим долгом предупредить тебя заранее. Ты там смотри...

А уже два месяца спустя нашего начальника попросил зайти к нему лично сам начальник управления.

— Вот тут такое неприятное письмецо к нам пришло... Лично тебя касается. Пишут, дескать, разговоры пошли, что ты свою жену каждый день лупишь, так как она на развод с тобой не согласна. А еще пишут, что ходишь к какой-то девятнадцатилетней смугляночке — так люди поговаривают — и вечное счастье ей обещал...

— А конкретно? — еле продохнул наш начальник.

— Конкретного ничего нет, и подписи нет, но ты на всякий случай укрепляй моральную сторону... А, кстати, как эта смугляночка — ничего себе, а?

Когда нашего начальника вызвал уже начальник объединения, он пошел на аудиенцию с пузырьком валерьянки в кармане.

— Вот какое дело, дорогой. Пишут, что ты получил квартиру в новом доме, используя отвратительные интриги, а между тем достойнейшие люди остались на старых квартирах... Что ты вообще страшный эгоист...

Наш начальник глотнул валерьянки и пролепетал:

— А конкретно?

— Конкретного ничего нет... Квартуру, правда, мы сами тебе выделили... Однако руководителем не может быть эгоист и себялюбец... Ты подумай об этом...

Не знаем, куда и кто еще вызывал начальника нашего учреждения. Знаем только, что сейчас он работает в картинной галерее сторожем. Уволился по собственному желанию, никем не принуждаемый.

Новым начальником назначили двоюродного брата нашего завхоза. Сейчас в нашем маленьком учреждении даже слишком спокойно. Космическая тишина. Завхоз по старинке в нерабочее время не пьет, а если и выпивает, так только с кем надо... «Я, — говорит он, — работу не брошу, мне работа пить не мешает. Я человек маленький, но многим нужный. Кто меня заденет, сам разобьется...»

ОПАСНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Инженер Пятрутис был серым человечком. Сотрудники института электроники совершенно забывали, что где-то рядом скребется мелкий, как мышь, Пятрутис. Вспоминали про него только у окошка кассы, когда получали зарплату.

— Ты что, все еще у нас работаешь? — удивлялись сослуживцы.

— Все еще работаю, — отвечал смущенный Пятрутис и исчезал в дверях.

— И кто таких держит в институте? — ухмылялись молодые элегантные инженеры института.

Однако начальство было другого мнения.

— Сам черт не разгадает, что он может изобрести, у него фантастически живой ум, он работяга и не карьерист, — так однажды отозвался о Пятрутисе самый главный.

И вдруг случилось то, чего никто не ожидал. Пятрутис осторожно прошмыгнул к директору и положил на стол заявление: «Прошу уволить по собственному...»

— Человече, что тебя стукнуло... Ведь твое изобретение, как сам писал в отчете, в стадии завершения...

— Уже... — тихо произнес Пятрутис. — Поэтому я и ухожу... Лучше уж прорабом куда-нибудь...

Ошеломленный директор подумал о том, что изобретение Пятрутиса, строго засекреченное, могло принести лавры всему институту. Пятрутис работал над телепатическим аппаратом для передачи мысли в радиусе до километра.

— Видите, шеф, я что-то напутал в схеме, и вышло все наоборот: аппарат мысли не передает... Однако мысли других принимает просто удивительно... — начал разъяснять Пятрутис.

— Но это... Ведь это еще лучше! — вскрикнул директор.

— Как сказать... Простите, уделите мне минуточку своего времени, чтобы внести ясность... Вот, значит, весь аппарат помещается в оправе моих очков, а миниатюрный микрофон вставляется в ухо. Смотрю на человека — и его мысли превращаются в слова, которые я превосходно слышу. Новый аппарат я испытывал вчера. Безо всякого умысла посмотрел на нашу лаборантку и вдруг слышу: «Ну и разыгрывает из себя серьезного руководителя наш заведующий отделом. А головочку я ему все-таки вскружила... Придется забежать после работы в кондитерскую... Коньяк он сам принесет». Смотрю на заведующего и слышу: «Дура душой, но фигурка — ничего не скажешь, с темпераментом... Может быть, протолкну ее диссертацию... Только откуда жена что-то пронюхала?..» Товарищ директор, вы понимаете, тут хоть сквозь землю провались...

— Продолжайте! — крикнул директор.

— Захожу после работы в магазин, ботинки выбираю. Смотрю — венгерские, добротные, но на один номер малы. «А, может быть, найдется сорок третий?» — спрашиваю молоденькую продавщицу. «Нет!» — парирует она. И тут же в микрофоне ее голос: «Осел. Так я ему ни за что ни про что и преподнесу. За такие туфли мне пятерку выкладывают». Ну, я повернулся и ушел.

Возвращаюсь домой. Жена открывает дверь, ласково улыбается. А микрофон свое: «Не слишком мне повезло. Хотя бы покрасивее... Неповоротлив, флегма... И квартиры приличной нет... Вот муж у Марите — «Москвич» за два года... Ну, что с ним поделаешь...»

Меня как обухом по голове... Простите, товарищ директор, разоткровенничался...

А сегодня с утра зашел проведать насчет кооперативной квартиры. Показали мне на бумаге, какая огромная очередь. А микрофон опять жужжит: «Интересно, сколько он выложил бы?.. Хмм... Научный работник... Тысячу, не меньше... Но такой не сообразит... Только время зря переводит...» Товарищ директор, такой аппарат за полдня может инфарктом обеспечить... Упаси, господи, от такой телепатии...

— Товарищ Пятрутис, что вы... Конечно, не все сознательные... Но ведь это же переворот в электронике!.. Успокойтесь! Возьмите обратно свое заявление...

— Нет, нет... ни в коем случае, простите.— И изобретатель поспешно направился к двери...

— Товарищ Пятрутис!..

Изобретатель обернулся и посмотрел на директора.

«Сумасшедший,— прозвучало в ушах у Пятрутиса.— Ведь меня оформили бы соавтором, докторская степень... Сегодня же надо поговорить с его женой...»

Пятрутис выскочил за дверь и, положив зловещее изобретение на ступеньки, весело подпрыгнув, треснул по нему каблуком.

ЧТО-ТО ЕСТЬ

Регистратор Чепкене посмотрела в окно и увидела заведующего соседним отделом Якштайтиса, который прогуливался с молодой женщиной. Молодая женщина была в кожаном пальто, Якштайтис придерживал ее под руку и, наклонившись, что-то шептал на ухо. Очевидно, комплименты, так как все время хихикал и сдвигал на затылок постоянно спадающую на лоб шапку. Лицо женщины регистратор рассмотреть не успела, но, судя по фигуре и застежке сумочки, это была инспектор нашего отдела Андрионене. Ее не спутаешь с другой, даже лица не увидев, — гармоничные выпуклости фигуры Андрионене сами за себя говорят. Таково мнение всех мужчин из нашего учреждения.

Мнение женщин по этому вопросу было несколько иным, но на сей раз и они поддержали: если уж Андрионене, так Андрионене.

Стали разбирать это дело по сути. Прения открыла женская фракция.

— Ну и скрытный этот Якштайтис. Проходил через наш отдел и только: «Здравствуйте, красотки!» А в угол Андрионене, казалось бы, даже не заглядывал!

— Бабники все скрытные. Богу поклонится, а черт на уме.

— Ко мне он тоже приставал. Все спрашивал, отчего я такая задумчивая... «Твоя глупая рожа меня на раздумье настраивает», — однажды отрезала я. А потом пробовала заговорить с ним — отворачивается.

— Не говори, мужчина он представительный, но кто мог подумать?... Дети уже студенты, а он — под ручку...

— Раньше мы с ним так... близко общались. Заходили в одно-другое кафе. Если теперь еще раз пригласит, плюну в глаза ему. Для меня главное — моя репутация! И перед мужем было бы неудобно...

В это время, не выдержав, подключились и мужчины учреждения.

— Все вы такие: пусть глуп, лишь бы красив...

— Дураком его не назовешь, но по женской части о-ох какой приткий! Помнишь, как мы поехали тогда к речке...

— Он тогда нахально к Лине полез... Я же ее привез с собой, а он...

Эстафету вновь подхватили женщины.

— У Андрионене двое детей... Алиментов сотню с лишним получит, муж зарабатывает прилично...

— Я бы ей зубы выставила... Вот с кого начинается моральное разложение! В тот раз, когда ездили на экскурсию, все мужчины, как мартовские коты, вокруг нее... даже Яткунас, до чего уж серьезным был, от меня ни на шаг не отставал — смотрю, и тот к ней...

— Ну и развратник этот Якштайтис... В прошлом году предлагал мне поехать с ним на Карпаты, я даже лыжи новые купила... Но знаете моего мужа. Если пронюхает — взбесится...

Мужчины потихоньку стали перекидываться между собой:

— Ну и дурак... Нашел место... Прямо под окнами учреждения... Посреди белого дня...

— Из-за таких ослов потом и носа из дому не высунешь... Побежишь за кефиром, а жена будет, как секундомер, минуты отсчитывать...

— Мне не жалко... Но будь бдительным, как говорит моя тетка! Не навлекай подозрений на своих друзей. Ведь из таких примеров жёны начинают делать ненужные обобщения и вредные выводы...

— Интересно, а его жена уже знает?... Может, позвонить ей? — намякнула одна из женщин.

Прения прекратила вошедшая заведующая отделом писем и информации.

— Послушайте, но Андрионене уже три дня в Москве, в командировке... Якштайтис, по-видимому, не с ней под руку гулял...

Не с ней, так не с ней. Но между Якштайтисом и Андрионене все равно что-то есть. Это наше коллективное мнение.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Гимн женщине	2
Мания величия	3
Поговорили	5
Баня	6
Милая, вернись!	10
Жертва интриг	11
Интеллектуальная беседа	12
Большие события в Пабярже	15
По существу	17
Литературный салон	18
Бабник	20
Техническая революция	23
Все равно ничего не останется...	25
Могучая сила	27
Функциональный подход	29
Жена	31
Пропавший человек	33
Пятиминутка	34
Всесторонняя женщина	35
Уполномоченный от критики	37
Кто следующий?	39
Поживем — увидим	40
Опасное изобретение	43
Что-то есть	46

ЮОЗАС ЮОЗАСОВИЧ ВУЛОТА

МИЛАЯ, ВЕРНИСЬ!

Редактор А. Е. В и х р е в.

Техн. редактор С. М. В а й с б о р д.

Сдано в набор 04.06. 84 г. Подписано к печати 20.08.84 г.
 А 12 827. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага типографская
 № 2. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать.
 Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,82. Тираж 75 000.
 Изд. № 1989. Заказ № 2897. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
 типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
 Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Этот год для литовских сатириков — юбилейный. Полвека тому назад, в 1934 году, в подполье появился первый номер сатирического журнала «Шлуота» («Метла»). В послевоенное время «Шлуота» возродилась, и с первых дней — с октября 1956 года — бессменным редактором ее работает Юозас Булота — заслуженный журналист Литовской ССР, член Союза писателей СССР. Как ни странно, но, будучи редактором сатирического журнала, он и сам изредка пишет. Пока вышло из печати шесть сборников фельетонов и юморесок на литовском языке и два — на русском. Эта книжка для русского читателя — третья.

30

Цена 20 коп.

Индекс 72996